

Борис ШАЛАГИНОВ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК ПРОБЛЕМА ШКОЛЬНОЙ МЕТОДИКИ

© Шалагинов Б. Б. 2006 г.

Особенность первого десятилетия XXI в. заключается в том, что имеются налицо все признаки исчерпанности ситуации «постмодерной неопределенности». И главный признак — это стремление сохранить и упрочить национальные культуры во всей полноте их объективных исторических взаимосвязей.

Состояние украинской средней школы отражает особенности исторического момента. В первую очередь это касается гуманитарной сферы, в частности предмета «Зарубежная литература», созданного в независимой Украине практически с нуля. Анализ действующей программы Министерства образования для 12-летней школы показывает, что инерция всего предшествовавшего постмодерного периода еще не преодолена, поскольку официальное предпочтение все же отдано принципу изучения литературы в виде «списка шедевров», в духе своеобразного аморфного «мультикультурализма». Отклики в прессе [1] показали несогласие ученых-литературоведов и методистов с тем фактом, что культурно-исторический контекст в программе сужен до минимума, а это затрудняет изучение национально-культурных связей, общности и различия между отдельными литературами, в частности между русской и украинской, русской и западной. Такое сокращение фона изучения было предпринято по указанию министерских специалистов еще в программе 2001 г., но тогда соответствующие рубрики были, по крайней мере, перенесены в «Приложение к программе»; в новой же министерской программе они отсутствуют совсем.

Нет сомнения, что постмодерн дал доступ к огромному потоку информации и предложил пути ее упорядочения в виде электронных средств, справочников и компендиумов. Однако при этом была потеряна граница между упорядочением информации и построением учебного материала. Принцип массового издания по типу «100 великих мифов и легенд», «100 великих писателей», «100 великих путешественников» или «100 чудес света» неприложим к школьному изучению гуманитарных предметов. Ибо школа воспитывает также общекультурные представления, убеждения, мировоззрение, а значит — умение видеть внутреннюю взаимосвязь материала. Этому служит изучение внутрилитературных и межлитературных связей. Им-то как раз и не нашлось места в ныне действующей министерской программе.

Остановимся на двух аспектах, не предусмотренных в программе: это контекстуальная взаимосвязь украинской и русской литератур, а также русской и западной. Для того, чтобы наша мысль стала понятней, укажем сразу на тот факт, что требуемое в министерской программе узкотекстуальное изучение литературы не дает возможности ученикам узнать, например, об огромном вкладе русской эмиграции в развитие западной культуры и литературы. На уроках ученик не услышит о великих изгнанниках — таких, как И. Бунин, А. Куприн, Максим Горький, В. Ходасевич, Д. Мережковский, Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Рахманинов, И. Стравинский, В. Горовиц, С. Дягилев, В. Кандинский, К. Малевич, М. Шагал и многих других. Узкотекстуальное изучение не оставляет места, например, для такой информации, что с 1918 по 1968 год, за 50 лет в эмиграции было написано только русскими писателями-изгнанниками 1080 романов, издано 1024 сборника стихов, 636 сборников рассказов [2]. Что существовали кружки, оживленные контакты между русскими и зарубежными писателями, учеными-филологами. Школьнику при изучении творчества Б. Брехта, очевидно, скажут о термине В. Шкловского «остранение», но каким образом это понятие увлекло знаменитого немецкого драматурга — без надлежащего контекста понять будет трудно. Ученику-старшекласснику программой предписано узнать, что А. Солженицын является автором повести «Матрёнин двор», но не более того; о благородной же правозащитной деятельности этого человека, о его драматической судьбе программа

умалчивает, как и о том, что в советском государстве существовал организованный властью интеллектуальный террор, жертвами которого стали сотни и сотни писателей, ученых, свободомыслящих людей — русских, украинцев, грузин, крымских татар, других народов и национальностей. Этот материал выходит за узкие рамки литературного текста, но он важен в плане формирования общего представления о литературном процессе.

Нельзя забывать о важной культурно-просветительной миссии не только русской литературы и философии на Западе в XX в., но и об огромном вкладе *украинских* литераторов, ученых, музыкантов и живописцев в развитие русской национальной культуры в XVIII в. Однако действующая программа не предусматривает изучение этих межлитературных связей. Известно, что Петром I были привлечены на административную и церковную службу выпускники Киево-Могилянской академии, которые до переезда в Россию преподавали курсы философии, поэтики, риторики, сами активно занимались литературным творчеством. Это С. Яворский, Ф. Прокопович, П. Конюсевич и другие. В частности, П. Конюсевич стал профессором в Московской славяно-греко-латинской академии. Установлено, что прообразом нового профессионального русского театра были студенческие представления в этой академии, а затем и в Петербургском «Шляхетском корпусе» (он был основан в 1732 г. под характерным названием «Рыцарская академия»; оба названия аллюзивно указывают на Украину). Их общим прототипом справедливо считаются аналогичные школьные спектакли в Киево-Могилянской академии [3].

Велика заслуга выпускника, а затем профессора Киево-Могилянской академии Ф. Прокоповича, пример которого пробудил интерес к отечественной истории у В. Тредиаковского, А. Сумарокова и в особенности у М. Ломоносова. Его панегирическое воспевание деяний Петра, обличение врагов Петровых оказало влияние на творчество А. Пушкина [4]. А «Ода на рабство», написанная уроженцем Полтавщины В. Капнистом в год, когда императорским указом была узаконена крепостная зависимость крестьян в Украине (1783 г.), оказала влияние на великого русского просветителя А. Радищева, выступившего с обличением крепостничества в книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Екатерина II сделала все, чтобы стереть его имя из анналов отечественной истории; к большому сожалению, и в действующих программах о А. Радищеве нет никаких упоминаний. Ученики не узнают, что в России всегда были благородные и смелые писатели, которые не мирились с антигуманными действиями своего правительства.

Таким образом, украинская литература воздействовала на русскую и давала ей теоретические, жанровые, тематические и даже гражданские импульсы. В свою очередь, настало время, конкретно в следующем, XIX в., когда русская литература, обогащенная за счет украинских влияний, стала воздействовать на западную и тем самым, можно сказать, вернула Западу украинскую литературу. И тут прежде всего речь должна идти о Н. Гоголе. Гоголь — это совместный дар Украины и России европейской и всей мировой культуре. Именно с Н. Гоголя украинская и русская литературы начали возвращать Европе эстетический долг, и возвращать с лихвой. В статье «Библиотека всемирной литературы» Г. Гессе начинает отсчет русской литературы, важной для европейца, именно с Н. Гоголя. О комедии «Ревизор» авторитетный критик Г. Брандес писал: «Потребовалось более сорока лет, чтобы скандинавская драма в лице Г. Ибсена поднялась на эту высоту (Н. Гоголя. — *Б. Ш.*); германская драма не достигла её и по настоящее время» (то есть до конца XIX в.) [5]. Но «Ревизор» был удален из школьной программы по зарубежной литературе в 2001 г., отсутствует он и в новейшей министерской программе.

Влияние русской литературы на западную усиливается к середине XIX в. В частности, В. Вулф писала, что «самые элементарные замечания о современной (западной. — *Б. Ш.*) художественной прозе вряд ли могут обойтись без упоминания о русском влиянии, и можно рискнуть, заявив, что писать о художественной прозе, не учитывая русской, значит попусту тратить время» [6]. Поскольку русская литература стоит в более близких культурно-исторических отношениях с украинской, то в немалой степени именно благодаря русским

писателям у европейцев складывалось представление не только о русской, но и об украинской культуре. Укажем, с какой любовью писал Г. Брандес о Т. Шевченко [7].

Ошибочно было бы считать, что Запад только сейчас открывает для себя мир по ту сторону от своей восточной границы. На Западе успели сформироваться устойчивые представления о духовных преимуществах славянского мира. Об этом свидетельствуют восторженные слова немецкого философа И. Гердера об украинском народе [8]. Когда Г. Брандес писал, что поэма А. Пушкина «Полтава», будучи созданной под влиянием «Мазепы» Дж. Байрона (как он полагал), все же «далеко превосходит юношеское произведение английского поэта художественной силой описаний», то он отражал уже сложившееся представление европейского читателя не только о А. Пушкине, но и об Украине и её истории [9].

Эти представления отчетливо отображались в отзывах ведущих интеллектуалов Запада вплоть до первых десятилетий XX в., когда советская власть отгородилась от Европы идеологическим железным занавесом. Прочитав новинку советской литературы — роман А. Неверова «Ташкент — город хлебный», Ф. Кафка сказал о его героях: «Народ, у которого есть такие дети, нельзя победить» [10]. Поэтому нам было бы не правильно уменьшать собственные духовные достоинства.

Таким образом, узкотекстуальное изучение литературы не дает возможности ученикам даже задуматься над сложностью и богатством культурных взаимосвязей между украинской и русской культурами, о роли русской литературы как транслятора украинской духовности в западном направлении.

Если говорить о том, кто наиболее способствовал проникновению русских духовных ценностей на Запад и, несомненно, оказал влияние на западную литературу, то следует назвать И. Тургенева. В частности, Г. Джеймс утверждал, что «по-видимому, не найдется другого иностранного автора, который бы столь органично, как И. Тургенев, вошел, по мнению англоязычного читателя, в канон Всемирной литературы» [11]. Можно было бы составить целую книгу из восторженных отзывов западных интеллектуалов об этом русском прозаике: Г. Миллер называл его «блестящим стилистом» [12], а Г. Гессе назвал «Отцы и дети» шедевром [13]. Но, увы, И. Тургенева нет ни в программе 2001 г., ни в ныне действующей.

Наконец, нельзя не остановиться еще на одном факте — исключении из курса творчества Максима Горького. Основателя «Библиотеки мировой литературы», страстного поборника развития всех национальных литератур в советском государстве, в том числе и украинской, от школьной литературы отлучили. Программа составлена так, что если бы учитель и захотел, у него просто не будет повода и времени рассказать о писателе, о его отношении к Украине. Это имя практически ничего уже не говорит нынешним школьным выпускникам, в их сознании ничего уже не противостоит ложной массовой информации о том, что Максим Горький якобы выступал против украинского языка. Украинский журналист С. Гупало убедительно развеял эту «легенду». Максиму Горькому дали просмотреть украинский перевод романа «Мать», сделанный Вараввою-Кобцем. В эти годы в литературу хлынул поток местных и диалектных слов и выражений, которые снижали общий художественный уровень языка. В ответ Максим Горький написал, что применённое переводчиком «наречие» только исказило его замысел, и что он хотел бы видеть перевод, выполненный высоколитературным слогом. Ведь украинский язык обладает всеми средствами истинной художественности, которыми нельзя пренебрегать. Такова была его мысль [14].

Эти примеры свидетельствуют о тех нереализованных возможностях и о тех скрытых опасностях, которые таит узко понятое текстуальное изучение литературы, санкционированное в последней министерской программе. Особенно страдает от этого главная задача литературного образования — воспитание уважения к другим культурам, тем более — к исторически родственным.

Литература

1. См.: Всесвітня література в середніх навчальних закладах України, № 8, 2007.
2. *Фостер Л. А.* Библиография русской зарубежной литературы. — Бостон, 1971.
3. *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII в. — М.: Учпедгиз, 1946. — С. 44.
4. Там же. — С. 162.
5. *Брандес Г.* Россия: Наблюдения и размышления. Литературные впечатления // Собр. соч. — Т. 19. — СПб., 1896. — С. 162.
6. *Вулф В.* Современная художественная проза // Моэм У. С. Подводя итоги: Эссе, очерки. — М.: Высш. шк., 1991. — С. 494.
7. *Брандес Г.* Там же. — С. 162.
8. *Herder J. G.* Werke: In 5 Bände. — Bd 1. — Weimar: Volksverlag, 1963. — S. 135. (Bibliothek Deutscher Klassiker) — S. 135.
9. *Брандес Г.* Там же. — С. 145–146.
10. См.: *Гулыга А.* Философская проза Кафки // Вопросы эстетики: Кризис западно-европейского искусства и современная зарубежная эстетика [Вып. 8]. — М.: Искусство, 1968.
11. *Джеймс Г.* Иван Тургенев // Писатели Англии о литературе XIX–XX вв.: Сб. ст. — М.: Прогресс, 1981. — С. 191.
12. *Миллер Г.* Моя жизнь и моя эпоха // Время убийц. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — С. 178.
13. *Гессе Г.* Письма по кругу: Художественная публицистика. — М.: Прогресс, 1987. — С. 130, 158.
14. *Гупало С.* Чи називав Горький українську мову «наречієм»? // Дзеркало тижня. — 2004. — № 51.